

И.С. Яжборовская. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОПЫТ ТРАНСФОРМАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО- И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. М.: изд-во "Academia", 2008, 378 с.

Завершающееся второе десятилетие глубоких системных преобразований бывших стран "реального социализма" Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы показало своеобразие развития этого региона на современном этапе глобализации. В новой монографии д.и.н. главного научного сотрудника Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН И.С. Яжборовской исследуются радикальные перемены в этих странах, вызревающие в общественной жизни как комплексные.

Автор анализирует нарастание и преодоление противоречий "реального социализма", исследует процессы системной трансформации в экономической, политической и социальной сферах. Системная трансформация общественного устройства стран рассматриваемого региона в целом развивалась как органическая составная часть "движения в Европу", чтобы согласно новой, оптимальной парадигме развития встроиться в новый миропорядок, в геополитическую и геоэкономическую систему Европейского Союза (ЕС) и реализовать западную модель как более эффективную.

Этому варианту трансформаций в условиях современных глобальных изменений оказались свойственны более или менее успешное решение многоплановой задачи формирования основ демократического устройства и перехода от централизованно планируемой и функционирующей экономики к экономике рыночной, а в ряде случаев – и оптимальная взаимосвязь между политическими и экономическими изменениями, происходящими как внутри стран, так и на международной арене.

При этом, как подчеркивает автор, не существовало ни единого концептуального видения путей дальнейшего прогрессивного развития, ни линейности процесса, ни прозрачности огромного многообразия составляющих его перемен. Развернувшаяся почти одновременно во всем регионе системная трансформация во

всех ее элементах осуществлялась на практике каждой страной по-своему, разными темпами и методами. В результате трансформация привела к различным результатам, к разнообразным вариантам уровня экономического, политического и социального развития. Однако суть процесса была общей для всех стран региона – создание демократического правового государства, многопартийной политической системы, гражданского общества, рыночной экономики. Без этого страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы не были бы приняты в ЕС. Автор подчеркивает, что фундаментальное преобразование стран региона стимулировал уже сам процесс подготовки к их вступлению в ЕС.

Адаптация структур и форм институтов ЕС, правовых основ их функционирования, обязательство применять весь набор нормативно-правовых документов ЕС сопровождалось конструированием механизмов их запуска на местах, гармонизацией национальной институциональной системы с общими нормами ЕС. Вместе с тем, процесс адаптации к требованиям членства в ЕС, к функционированию в рамках институтов ЕС проходит медленно и с немалыми трудностями. Влияние членства в ЕС на политическое развитие новых членов, на функционирование их политической системы, явились, вопреки ожиданиям, противоречивым и неоднозначным. Институты ЕС часто модифицируют национальные политические системы не совсем в том направлении, которое устраивало бы политические элиты стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы.

К настоящему времени оба субрегиона: Центрально-Восточная Европа (то есть "Вышеградская четверка"¹ плюс Словения) и Юго-Восточная Европа, по сравнению с началом 90-х годов, преодолели трансформационный об-

¹ Чехия, Словакия, Польша, Венгрия.

вал и сделав перемены необратимыми, все более сближаются в своем развитии. Однако остаются и существенные различия.

Общая тенденция преобразований, как полагает автор, такова: становящаяся всеобъемлющей системная трансформация изначально кристаллизовалась на основе возврата к базовому соотношению экономики и политики на национальном уровне. Был положен конец функционированию политической и экономической системы смешанного типа, подчиненной целям авторитарной власти в рамках центрального планирования и управления экономикой, государством и обществом, совмещению внутрисистемных политических и экономических функций. Реконверсия этих функций, начиная с быстрой перестройки политической сферы, становилась непременным условием перехода к рынку, демократии и основам гражданского общества.

На первом этапе при определении способа и методов преобразования модели хозяйствования более важная роль принадлежала политическим, а не экономическим мотивам. Затем последовала длительная, фундаментальная перестройка экономики. Исследование стартовых условий трансформации, различий в уровне экономического развития стран накануне преобразований показало, что имевшую место несинхронность изменений определили не только эти факторы. Важную роль в сокращении продолжительности и снижении социальных издержек крушения прежней системы сыграли: состояние, темпы и методы трансформации политической системы, а также политика коренным образом перестраиваемого государства.

Увязка анализа политической и экономической трансформации, а также социальной составляющей системных преобразований при рассмотрении как общих проблем, так и конкретной практики позволила автору теоретически обобщить опыт региона, приобретенный за первое 20-летие трансформационных перемен. Процесс демократизации политической сферы, как правило, идет быстрее и основательнее, чем развитие рыночной экономики, особенно создание оптимальных структур рынка. Иногда налаживание функционирования демократической политической системы на время затрудняет проведение экономической политики, ориентированной на хозяйственный рост. Но в длительной перспективе она поддерживает и облегчает процесс роста,

обладая способностью корректировать ошибки в этой области. Механизм положительной обратной связи в этой сфере является одним из главных факторов установления и длительного сохранения высоких темпов роста. Быстро стали очевидны преимущества от работы на общем рынке, от получения существенной финансовой помощи. За годы трансформации темпы роста в новых членах ЕС увеличились в среднем в два раза. Темпы роста производительности труда в промышленности стран "Вьешградской четверки" за 2000–2007 гг. превысили на 50–60% средние по ЕС. Объем личного потребления после вступления в ЕС стал расти высокими темпами. Увеличилась численность занятых, росли реальные зарплаты, повышались пенсии, улучшалось материальное положение фермеров благодаря субсидиям европейских фондов, рос объем денежных переводов в связи со значительной трудовой миграцией. Это стало своеобразной социальной "подушкой" в условиях воздействия мирового финансово-экономического кризиса на регион.

Кризис подтвердил многие положения автора о специфике экономической ситуации в странах региона, находящихся на периферии европейского капитализма. Негативные последствия их зависимости от ведущих стран ЕС, попавших в ловушку финансового обвала, пока только начинают сказываться, но они неизбежно проявятся в том или ином объеме. Практически во всех странах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы идет снижение курса национальной валюты и существует опасность кредитного кризиса. Начиная с IV квартала 2008 г. наблюдается замедление темпов экономического роста этих стран, однако еще не ясно, приведет ли это замедление к экономической рецессии: по мнению экспертов, пока она грозит только Венгрии, хотя многое будет зависеть от глубины и продолжительности кризиса. Преодоление кризисных явлений в регионе будет непосредственно связано с оздоровлением финансовой и экономической системы в ведущих странах ЕС.

Какой вклад в дальнейшее развитие глобализирующегося общества могут внести системные трансформации в исследуемом регионе Европы, ныне часто именуемом "Новой Европой"? Ход рассуждений автора книги таков: при сложившейся модели глобализации и мирового рынка нелиберального типа, "рационализации без границ" под политическим пат-

роном США мировое сообщество может оказаться еще более монополизированным группой высокоразвитых капиталистических держав. Однако в условиях мирового кризиса и неизбежного обострения социальных проблем, спор о путях дальнейшего развития уже ведется в плоскости не только рационализации хозяйственной деятельности, но и поисков путей учета широких социально-политических интересов общества в целом и использования более эффективного механизма участия в глобализации. Неравномерное, полное противоречий и творческих поисков развитие левых, левоцентристских и социал-либеральных политических структур прежде всего Центрально-Восточной Европы отражает процесс поиска и утверждения социальной модели глобализации, в частности формирования моделей социального государства и социальной рыночной экономики.

Обращаясь к рассмотрению ключевых проблем научного анализа опыта решения политических, экономических и социальных проблем в странах региона, автор выявляет взаимозависимость преобразований и их осмысления, их влияние на оптимизацию социальной практики. Будущее продемонстрирует, до какой степени функционирование демократии и рынка, в частности процессы, протекающие в обстановке вступления в ЕС, ускорят раскрытие новых гуманитарных возможностей глобализации. История покажет, в какой мере эти процессы стимулируют важные структурные и функциональные изменения, как проявятся и обогатятся общие закономерности трансформации в регионе, оптимизируются ее направления, формы и методы.

В книге суммируются итоги преобразовательных процессов, выявляются как успехи, так и назревшие проблемы, требующие решения. Например, пока ускорения демократизации стран региона не получается: не оправдались ожидания, что вступление в ЕС повлечет за собой дальнейшую либерализацию и демократизацию внутренней политической жизни. Причина этого кроется, прежде всего в том, что интеграция постсоциалистических стран с одним из центров силы – Евросоюзом пришлось на начало глубокого мирового финансового и экономического кризиса нелиберальной модели капитализма. По образному выражению польского экономиста Г.В. Колодки, трансформирующиеся экономики в условиях приоритета стихийных сил рынка и минимали-

зации роли государства "втягиваются в центрифугу глобализации, которая раскручивается на основе нелиберальных принципов"².

В мировом масштабе участие рынка труда в доходах резко сокращается в пользу прибыли капитала, под его транснациональным и глобальным давлением. На национальном уровне, при помощи государства и профсоюзов, этот процесс контролировать все труднее. Но изменение ситуации в условиях мирового кризиса формирует новые точки бифуркации. Глобализация – открытый, незаконченный процесс и она не обязательно должна развиваться в нелиберальном стиле и подчиняться интересам наиболее мощных корпораций и финансовых групп. Об этом и ранее говорилось в прогнозах крупнейших экспертов. Один из них, Дж. Стиглиц, полагает, что выход из этого положения возможен тогда, когда при помощи ряда организационных и институциональных шагов глобализация станет менее спонтанной и хаотичной, более рациональной, интегрированной, скоординированной и направляемой³. Такие тенденции наметились сейчас. Как полагает Колодко, функционирующая на этих основах глобализация "должна найти способ подчинить себе частные интересы крупных мировых игроков", что возможно "спастись бегством вперед". Для этого "достаточно только, чтобы соединились определенные явления и тенденции из экономической, культурной и политической области. Ход истории может войти в очередной разворот, оставив позади доминирующий до сих пор мегатренд глобализации"⁴.

Решение этих проблем в настоящее время актуально для всего мира, в частности и для Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Правда, второму из этих субрегионов, который продолжает отставать по всем параметрам трансформации, автор уделяет меньше места в своей книге. Однако и этот субрегион под давлением ЕС тоже во все большей степени проявляет готовность не только принять то позитивное новое, что несет с собой глобализация, но и внести свой вклад в этот процесс.

На практике, когда одновременно действуют факторы внутреннего и внешнего социаль-

² *Kołodko G.W. Wędrujący świat. Warszawa, 2008, s. 116.*

³ *Stiglitz J.E. Making Globalization Work. New York – London, 2007.*

⁴ *Kołodko G.W. Op. cit., s. 120–122.*

ного, экономического и политического давления, когда периодически сменяются избирательные циклы, на смену одной стратегии или текущей политике приходит другая. Одни групповые интересы заменяются другими, нередко эклектически сочетаются черты неолиберальной и левой модели глобализации, сливаются воедино разные концепции, процесс политической трансформации растягивается. Однако, как констатирует автор, в ходе движения политического маятника, на новом эмпирическом материале постепенно осмысливается опыт поисков не только политически достижимых и экономически эффективных, но и социально приемлемых решений. Особое значение приобретают новые, современные функции государства, его эффективная, соответствующая требованиям информационного

общества и нового качества человеческого потенциала политика в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения, науки и культуры. Стремление соответствовать этим требованиям – путь к оптимизации моделей, как трансформации так и глобализации.

В целом новая монография И.С. Яжборовской – ценное исследование, представляющее интерес не только для специалистов в области общественных наук. Эта книга будет безынтересна и для широкого читателя.

Б.А. Шмелев,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий Центром политических
исследований
Института экономики РАН

НЕПОБЕДИМАЯ СИЛА СЛАБЫХ: КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ РАВЕНСБРЮК В ЖИЗНИ И СУДЬБЕ БЫВШИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ. Сборник статей, воспоминаний и интервью. Воронеж: ВГПУ, 2008, 351 с.

Бывший узник нацистских застенков профессор О. Когон назвал "третий рейх" государством концлагерей¹. Истории нацистских концлагерей в мире посвящена обширная литература. Однако эта тема недостаточно освещена в российской историографии. Обобщающих работ по данной проблематике нет, а вопросы, касающиеся отдельных концлагерей, освещены фрагментарно. Существующий пробел в определенной мере восполняет новое исследование, посвященное узницам женского концлагеря Равенсбрюк.

Книга является результатом многолетней работы Регионального центра устной истории в г. Воронеже в рамках международного проекта "Женщины Равенсбрюка". В проекте участвовала группа студентов Воронежского государственного педагогического университета (ВГПУ) под руководством к.и.н. Н.П. Тимофеевой и д-ра Р. Сааведра Сантис (Свободный университет, Берлин). Респонденты, к которым обращались историки, проживали в г. Воронеже, Воронежской области и в Крыму. Существенную помощь воронежцам оказала Симферопольская городская организация ин-

валидов-узников концентрационных лагерей и рабочих принудительного труда, предоставившая адреса бывших заключенных Равенсбрюка.

Центральной темой книги являются судьбы бывших узниц Равенсбрюка, через который прошло свыше 130 тыс. женщин и детей из более 20 стран; число жертв этого концлагеря по разным оценкам составило от 20 тыс. до 90 тыс. чел. Во многом Равенсбрюк был схож с другими нацистскими концлагерями. Его специфика состояла в том, что это был лагерь для женщин. В Равенсбрюке были курсы по обучению женщин-надзирательниц для всех концлагерей.

В книге показано, что Равенсбрюк, как и многие другие крупные концентрационные лагеря, стал центром лагерного комплекса, включавшего большое количество филиалов, где эксплуатировались узницы. Женщинам приходилось выполнять не только очень тяжелые физические, но и зачастую бессмысленные задания. Особое место занимал труд на военных предприятиях, например, на предприятиях концерна "Сименс". На одном из заводов "Сименс", располагавшемся рядом с лагерем, трудились более 2 тыс. узниц и их детей. Газовая камера превратила Равенсбрюк в место уни-

¹ Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. München, 1985.

чтожения ослабленных, больных и старых женщин; в ней было убито около 6 тыс. узниц.

Книга открывается вступительной статьей Н.П. Тимофеевой и аспиранта ВГПУ С.В. Аристова "Кто они – женщины из Равенсбрюка?". Авторы представляют краткую историографию проблемы, а также рассматривают историю создания сборника, составными частями которого являются научные статьи, воспоминания бывших узниц и интервью с ними. Свое место в сборнике нашло также поэтическое творчество заключенных Равенсбрюка. Интерес читателей вызывает статья Н.К. Рокоссовской – дочери Маршала и дважды Героя Советского Союза К.К. Рокоссовского, армия которого освобождала Равенсбрюк. Статья названа "Им вернули жизнь советские солдаты".

Книга состоит из научных статей, а также воспоминаний и интервью бывших узниц; это первая в России публикация интервью с бывшими советскими узницами Равенсбрюка.

В статье д.и.н. профессора Сыктывкарского государственного университета Л.М. Макаровой "Концентрационный лагерь и идеология нацизма" концлагеря рассматриваются как места "максимального напряжения,... где идеология нацизма имеет шанс наиболее полной реализации" (с. 10). Концлагерь – "это особый вид сакрального пространства, где непосредственно реализовывалось противостояние сверхчеловека (охранника – эсэсовца) и недочеловека (еврея-заключенного)" (с. 22). Концлагерь – это перенаселенное, неоднородное по уровню опасности пространство, в котором происходило формирование "перевернутого мира" лагерной стратификации узников, где идеологические оппоненты приравнивались к обычным преступникам. Во главе лагеря – эсэсовцы, "расовая элита", подавлявшая любые проявления человеческих эмоций по отношению к заключенным. Автор отмечает, что порядок, смоделированный нацистами в концлагере, должен был в дальнейшем распространяться на все общество.

Статья к.и.н. доцента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Т.Ю. Тимофеевой «"Мы жили обычной жизнью"? Семейная жизнь в Берлине 1933–39 гг.: опыт интервью» представляет собой анализ восприятия нацизма "простыми немцами", жившими своей "обычной жизнью". Не претендуя на новизну тезиса о том, что "конформизм, индифферентность внесли огромный вклад в победу национал-социализма", статья

занимает важное место в сборнике, ибо она воссоздает реальность, существовавшую за пределами концлагерей. Т.Ю. Тимофеева иллюстрирует свое повествование большим количеством цитат респондентов, с которыми она беседовала в Германии в 2003 г. Главный вывод автора заключается в том, что нацизму удалось эффективно воздействовать на основную массу "средних" немцев за счет "пропаганды, чувства страха и материальной зависимости" (с. 52). Разрываясь между верой в лучшее будущее и нежеланием активно изменять свое настоящее, "простые немцы" и стали пассивными наблюдателями всего, что происходило в гитлеровской Германии.

В статье Р. Сааведра Сантес "Женщины Равенсбрюка" предпринимается попытка создания коллективной биографии женщин из оккупированных нацистами территорий Советского Союза, прошедших через Равенсбрюк.

Вторая часть книги включает как автобиографии, написанные бывшими узницами Равенсбрюка, так и интервью, проведенные с ними воронежскими историками. И те, и другие отражают уровень образования респондентов, влияние возраста на специфику воспоминаний. Однако автобиографии дают намного меньше информации как по истории лагеря, так и о судьбах узниц, чем интервью. Это различие позволяет выявить значение и специфику каждого из предлагаемых источников. В первом случае респонденты рассказывали о своей жизни, осознавая неизбежную возможность прочтения их воспоминаний другими и внося определенные коррективы. В ряде случаев (К.Д. Калиниченко, В.В. Кобзарь, А.Н. Чарнецкой-Бойченко) интервью обеспечили возможность сравнения заранее подготовленных ответов-воспоминаний респондентов и их рассказов, инициированных интервьюером. В ходе беседы состоялась актуализация опыта, выходящего за рамки нарративной традиции, была получена очень ценная информация. Наличие в сборнике воспоминаний и интервью позволяет провести их сравнительный историко-научный анализ.

Все предлагаемые в книге интервью являются нарративно-биографическими, что позволяло респондентам сначала представить историю своей жизни такой, какой они ее видят. Следовавшие далее уточнения способствовали созданию многогранного биографического материала – источника, представляющего инте-

рес для историков, филологов, социологов, психологов, культурологов.

Статья Н.К. Рокоссовской, завершающая сборник, дополняет его взглядом человека, не занятого историческим исследованием и, к счастью, не прошедшего через ад концлагерей, но осознающего последствия нацизма и искренне желающего, чтобы среди молодого поколения "больше не повторялись равенсбрюки" (с. 341).

Книга снабжена географическим указателем и библиографией, в которой представлены как мемуарная литература, так и труды, посвященные системе нацистских концлагерей и, в частности, Равенсбрюку.

Представляется, однако, что в этой интересной работе несколько нарушены пропорции между общими вопросами истории национал-социализма и конкретным материалом по Равенсбрюку, в результате чего читатель иногда

теряет основную нить повествования о женском концлагере. Вызывает также сожаление, что подготовка этого труда не началась на много лет раньше, когда круг респондентов был значительно шире.

Издание, содержащее в себе большой антифашистский заряд, может быть использовано не только в научных, но и в педагогических целях. Книгу полезно будет прочитать и обсудить в школах и вузах, она поможет людям, интересующимся историей, расширить свои представления о Германии периода национал-социализма.

Р.В. Долгилевич,
кандидат исторических наук,
профессор Московского института
государственного и корпоративного управления

А.С. Намазова. БЕЛЬГИЯ. ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XVIII–XX веках. М.: изд-во "Наука", 2008, 391 с.

Книга доктора исторических наук, заведующей Отделом истории XVIII–XIX вв. Института всеобщей истории РАН А.С. Намазовой подытоживает ее предыдущие работы по истории и современному состоянию данной страны¹. Избранная для исследования тематика, учитывая нынешнее, далеко не лучшее положение дел с бельгийской государственностью, сложна и противоречива. Многие искушенные в дискуссионных баталиях европейские политики, равно как и представители научного сообщества, озадачены вопросами: как Бельгия пришла к нынешнему неустойчивому положению, так ли прочно возникшее в результате революционных событий 1830 г. Бельгийское королевство? Не напрасными ли оказались усилия его основателей и продолжателей их дела на протяжении более полутора веков? Как долго смогут сосуществовать в когда-то "искусственно", из разных этнических компонентов созданном государстве различные по устремлениям национальные группы, останет-

ся ли страна единой или ее ждет участь распавшихся в конце XX в. европейских государств? Примеров такого развития событий в нынешней Европе предостаточно.

Учитывая эти обстоятельства, следует по достоинству оценить научную смелость автора, попытавшегося ответить на подобные вопросы. В монографии ставятся конкретные исследовательские задачи, и они находят свое зачастую нетривиальное решение. Ознакомившись с книгой, читатели прежде всего молодого поколения, студенты-гуманитарии, интересующиеся историей малых стран Европы, усвоят, что Бельгия и ее столица Брюссель это не только средоточие управленческих органов, определяющих мировую политическую погоду НАТО и ЕС, но и страна, прошедшая собственный исторический путь, которым гордятся бельгийцы. Студентов упоминаем еще и потому, что автор много лет посвятила воспитанию подрастающего поколения гуманитариев, она ведет в Московском государственном лингвистическом университете курс по истории, культуре и географии изучаемой страны.

Прочитированные А.С. Намазовой в самом начале книги слова известного бельгийского историка А. Пиренна задают тон всему повествованию. Они точно отражают положение

¹ См., например: *Намазова А.С.* Бельгийская революция 1830 г. М., 1979; *ее же.* Бельгия. Исторический опыт: традиции и современность. М., 2001; и др.

страны: «Бельгия – в этом оригинальность и красота ее истории – является продуктом воли ее граждан. У них есть родина не потому, что ее нам дала природа, а потому что мы сами так захотели. Своеобразное положение страны между Францией и Германией, между романской и германской культурами сделало из нее своего рода "микрокосм" Западной Европы» (с. 18).

Монография А.С. Намазовой основана на большом круге разнообразных источников, нередко впервые вводимых в научный оборот. Это результат долголетней работы как в отечественных архивах: АВПРИ, ГАРФ, РГАЛИ, ИМЛИ, так и зарубежных: Национальном архиве Франции, Главном королевском архиве Королевства Бельгии. Широко используются опубликованные архивные документы. Специальную группу источников составили материалы прессы за весьма длительный период. Изучение трудов европейских историков позволило автору "воссоздать историю становления бельгийского государства на протяжении двух веков и дать ответ на вопрос, как удалось этой малой стране в условиях постоянной борьбы с более могущественными соседями отстоять свою независимость и самостоятельность, сохранить самобытность своей культуры" (с. 10).

На самом деле автор исследует более протяженный исторический период. Первая глава посвящена истокам бельгийской истории "от римской провинции Бельгика до Нидерландской революции XVI века". В главе второй "Бельгийские провинции в составе державы австрийских Габсбургов" освещаются положение бельгийских провинций после Раштаттского договора 1714 г., изменившие страну реформы Иосифа II, Брабантская революция 1787–1789 гг. и республика Соединенных Бельгийских штатов, реставрация австрийского господства. В третьей главе "Двадцать лет под властью Франции" исследуется история страны в наполеоновскую эпоху, рассматриваются политика французских властей в бельгийских провинциях и экономические и политические последствия французского господства. Согласно решениям Венского конгресса 1815 г., отмечает автор, Бельгия и Голландия объединились в Королевство Нидерландов, тем самым бельгийцы снова сменили хозяев, ими стали нидерландцы, но их господство было коротким, продолжалось лишь 15 лет "до революции 1830 г., которая дала бельгийцам долгожданную свободу и независимость" (с. 111).

На следующую главу "Революция, свобода, независимость" приходится центр тяжести исследования. Автор придает "особое значение событиям июля – августа 1830 г., так как они сыграли решающую роль в становлении бельгийской государственности. Ведь только после революции 1830 г. бельгийцы обрели долгожданную независимость; третья попытка этого свободолюбивого народа увенчалась наконец успехом, и с этого момента можно говорить о существовании независимого бельгийского государства. В главе подробно рассмотрены главные события революции, политика великих держав Европы, согласовавших в ходе Лондонской конференции 1830–1831 гг. взаимоприемлемые позиции в отношении суверенитета Бельгии. Договоры, принятые конференцией, обеспечили бельгийцам "вечный нейтралитет", оказавшийся, как это показали события XX в., далеко не "вечным", напоминает автор (с. 193).

В последующих двух главах освещена дальнейшая история бельгийского государства, анализируется проблематика становления основных институтов власти и гражданского общества в стране в XIX в., проведенные экономические, политические и конституционные реформы – глава пятая; характеризуется институт монархии, отображаются судьбы бельгийских королей и анализируется получившая распространение концепция одного из крупнейших современных бельгийских историков Ж. Стенгера о прерогативах монархии и направлениях деятельности бельгийских монархов – глава шестая.

В завершающей седьмой главе читатель найдет массу малоизвестных сведений и фактов. Из них складывается объемная картина нынешней Бельгии, в которой недавно уже в условиях мирового финансового и экономического кризиса и отчасти по этой причине поменялось очередное правительство. Глава названа "Бельгия в XX в. Переход от унитаризма к федерализму". В ней отражена судьба бельгийского нейтралитета в годы двух мировых войн, рассматривается национальный вопрос и основные этапы его решения, парламентские и конституционные реформы 60-х – 90-х годов XX в., дан анализ проблем регионализма и федерализма, исследуется роль институтов власти в современной Бельгии. Что касается бельгийского нейтралитета, грубо нарушенного одним из его гарантов – Германией и в Первой, и во Второй мировых войнах, то А.С. Намазова справедливо отмечает, что этот вопрос не при-

влекал пристального внимания отечественных исследователей. Автору удалось частично заполнить этот пробел.

Не уходит исследователь и от подробного освещения национального вопроса, так как положение страны специфично. В Бельгии 55% жителей составляют фламандцы, они заселяют север страны и говорят на диалекте нидерландского языка, 35% валлоны, говорящие по-французски, и около 10% населения живет в Брюсселе, причем 80% жителей Брюсселя франкофоны, имеющие двуязычный статус. Хотя классическими элементами неоднородности в многокультурных государствах выступают обычно раса, религия и язык, в Бельгии фактором дифференциации является язык. В бельгийском обществе присутствуют три оси конфликтов: между верующими и неверующими, католиками и протестантами, в социально-экономической сфере и в области лингвистических и межобщинных отношений (с. 305).

До 1970 г. в обществе существовало известное равновесие между общинами. Но затем на первый план вышли лингвистические и межобщинные проблемы, и три конфликта преобразовались в один, коммунитарный. Фламандцы, составляющие большинство, рассматривали себя в качестве меньшинства, ущемленного в правах. Автор констатирует, что эта ситуация сложилась исторически, и поясняет, почему так произошло. Предпринятые начиная с 70-х годов меры по восстановлению равновесия в бельгийском обществе, к желаемым результатам не привели. Хотя политические и экономические элиты страны пытались постепенно изменить государственное устройство, проведя четыре этапа реформ, призванных примирить валлонов и фламандцев, «положение центральной власти, которая растеряла свою некогда прочную опору в избирательном корпусе и оказалась между двух региональных "огней" как организатор переговоров и их непосредственный участник, довольно сложное» (с. 350). По мнению автора, конфликты между двумя сообществами могут решаться путем дальнейшего раздела компетенций, углубления автономии и ослабления федерального центра (с. 339).

История Бельгии, считает автор, показывает, что для данного государства более эффективен эволюционный путь разрешения конфликтов – социальных, политических, национально-лингвистических, которые стали проявляться уже в середине XIX в., достигли

особого накала в 60-е – 70-е годы XX в. Действительно на протяжении 180 лет истории страна прошла эволюционный путь развития, перейдя от унитарного к федеративному государственному устройству. И все же ныне в политических кругах и масс-медиа открыто обсуждается перспектива распада страны, а крайне правая партия Фламандский блок, за который во Фландрии голосует четверть населения, ставит целью развал бельгийского государства. Однако по опросам, недавно проведенным как на фламандском севере, так и на франкофонном юге, больше половины населения полагает, что страна сохранит единство в ближайшие 50 лет. И это показывает, что бельгийцы не намерены допустить окончательного развала своего государства.

Автор освещает обширный период истории, и в этом большой плюс исследования, ставшего своего рода малой энциклопедией по истории и современности Бельгии. Но эта же широта охвата приводит к неравновесному освещению как различных исторических периодов, так и выбранных сюжетов. По традиции отечественной историографии, сосредоточенной в основном на политической истории, дается подробная характеристика политических событий. Рассмотрена специфика бельгийской королевской династии, представителям которой посвящены многие страницы исследования. Но для характеристики и оценки получивших широкую известность в мировой культуре и науке бельгийцев не находится достаточного места. Подробнее можно было бы отразить сюжеты, связанные с грубейшим нарушением бельгийского нейтралитета и вынужденным участием бельгийцев в кровопролитных сражениях Первой и Второй мировой войн. Было бы интересно сравнить судьбу Бельгии, ставшую своего рода плацдармом для наступления германских войск на Францию в двух мировых войнах, с судьбой соседних Нидерландов, избежавших германской оккупации в Первой мировой войне и напрасно понадеявшихся на такой же исход и во второй.

Книга посвящена памяти А.З. Манфреда, с которым автор на протяжении многих лет работала в Институте всеобщей истории, он и посоветовал ей заняться историей Бельгии. Сколь своевременным был этот совет, читатель этой книги может оценить сам. Большим достоинством исследования является удачное сочетание исторических и политологических подходов, столь редко встречаемое у отече-

ственных историков (особенно это проявляется в последней, седьмой главе, посвященной современной Бельгии).

Монография снабжена списком источников и использованной литературы и оснащена первоклассным справочным аппаратом с разделами "Династия Саксен-Кобург Гота", "Премьер-министры Бельгии", "Хронологическая таблица", "Главы российских дипломатических представительств в Бельгии", "Бельгийские посланники в России".

В целом книга А.С. Намазовой вносит заметный вклад в отечественную историографию, она будет полезна не только специалистам, но и всем изучающим европейскую историю и современный Европейский Союз.

В.П. Любин,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института научной информации
по общественным наукам РАН

D. Fram. COMEBACK. CONSERVATISM THAT CAN WIN AGAIN. New York: Doubleday, 2008, 214 p.

P.E. Gottfried. CONSERVATISM IN AMERICA. MAKING SENSE OF THE AMERICAN RIGHT. New York: Palgrave Macmillan, 2007, 190 p.

Д. Фрам. ВОЗВРАЩЕНИЕ. КОНСЕРВАТИЗМ, КОТОРЫЙ СПОСОБЕН ВЫИГРАТЬ ВНОВЬ. Нью-Йорк, 2008, 214 с.

П.Е. Готфрид. КОНСЕРВАТИЗМ В АМЕРИКЕ. ПОНИМАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОЙ. Нью-Йорк, 2007, 214 с.

После сравнительно долгого доминирования в общественно-политической жизни США американские консерваторы в последние годы второго президентского срока Дж. Буша почувствовали, что почва уходит у них из-под ног. Еще не дожидаясь вполне предсказуемого поражения на выборах 2008 г., консервативные аналитики приступили к своего рода "работе над ошибками". С этой точки зрения показательны книги двух авторов, принадлежащих не только к разным, но и враждебным течениям внутри консервативного лагеря.

Один из них известный публицист, получивший историческое образование в Йеле и даже какое-то время преподававший там, правда, не только историю, Дэвид Фрам. С января 2001 по февраль 2002 г. он был спичрайтером Дж. Буша. Это помогло ему написать книгу о 43-м президенте США, название которой говорило само за себя: "Правильный человек" (2003 г.). Среди шести его книг есть и написанная в соавторстве с бывшим помощником министра обороны, неоконсерватором Р. Перлом – "Покончить со злом" (2003 г.), о борьбе с терроризмом. Фрам является ведущим сотрудником такого консервативного "мозгового треста", как Американский предпринимательский институт, активно сотрудничает с консервативным журналом традиционалистского толка "Нэшнл ревью". Вместе с тем он близок и к неоконсерваторам.

Другой автор, П. Готфрид, историк и философ, профессор Элизабеттаунского колледжа. На его счету свыше 10 книг, в том числе и о консервативном движении в США, а также известные работы "После либерализма" (1999 г.), "Странная смерть либерализма" (2005 г.). Готфрид занимает место на крайне правом фланге консерватизма. Ему ближе понятие "правый", нежели "консерватор". Хотя его рецензируемая книга называется "Консерватизм в Америке", ее подзаголовок звучит так: "Понимание американской правой", к которой принадлежит он сам и чьим признанным лидером является достаточно известный в России П. Бьюкенен. Готфрид постоянно публикуется в журнале бьюкенистов "Американский консерватор".

Из характеристики авторов нетрудно заключить, что читателям предлагается два различных подхода к прошлому, настоящему и будущему американского консерватизма.

Пять лет спустя, пережив немало разочарований в герое своей книги, Фрам не поддался искушению столь распространенной бушефобии. Довольно жестко подводя неутешительные итоги правления Дж. Буша, он отмечает и то позитивное, что, на его взгляд, было в политике президента, а также достойные уважения черты его личности. Характерно такое суждение Фрама: "Джордж Буш обладал верными инстинктами, но методы его были не верны. Он определил правильный путь, но оступался,

пытаясь идти им" (с. 2–3), Фрам подчеркивает, что еще в книге "Правильный человек" он предостерегал на счет "упертости Дж. Буша, его склонности к спешке и игнорированию деталей". "Но я верил тогда, – продолжает бывший спичрайтер, – что его решимость победить в борьбе с террором позволила ему возвыситься над этими ограничениями. В этом я ошибся" (с. 2). Так, например, борясь с террором, Буш продолжал держать открытой дверь для иммигрантов. Свержение саддамовского режима было правильным шагом, но из-за отсутствия плана действий и доктрины США увязли в Ираке. Не удалось предотвратить опасное развитие в Северной Корее и Иране. Оказались испорченными отношения с западноевропейскими союзниками.

Что касается внутренней политики, то Буш, признает Фрам, видел многое "яснее, чем мы. Он осознал, что консерватизм 1980-х и 1990-х годов исчерпал себя" (с. 3) В отличие от Рейгана он двигался по направлению к центру. Как и Клинтон, Буш, по словам Фрама, во внутренней политике был президентом "среднего пути, гораздо менее радикальным, чем Р. Рейган и Г. Трумэн" (с. 32). Более того, при Буше федеральные расходы росли быстрее, чем при любом президенте со времени Л. Джонсона. В результате различия между республиканским и демократическим подходами к "государству всеобщего благосостояния" сократились до минимума. Этот фактический консенсус трудно было разглядеть из-за ожесточенной полемики по вопросам внешней политики. Фрама беспокоит не только то, что республиканцы теряют лицо. Еще важнее другое: эгалитарная социальная политика ослабляет средний класс – опору консерватизма.

Речь не идет о том, чтобы вернуться к рейгановскому курсу. Эра снижения налогов закончилась. "Нам нужны, – пишет Фрам, – новые подходы к экономическому росту и национальной мощи: более продуманный налоговый кодекс, более справедливые законы и лучше профессионально обученные люди" (с. 64). Разработать "лучший курс по отношению к среднему классу" – такова, по Фраму, цель номер один для консерваторов в борьбе за то, чтобы вернуть себе лидерство.

Цель номер два относится к внешнеполитической сфере: сдерживание Китая. Необходимо также более решительно бороться с терроризмом. Несмотря на осечку в Ираке, не следует снимать с повестки дня и "демократизацию".

Только при этом нужно больше полагаться на местные силы. Более нормально, если в процессе демократизации "военная мощь играет весьма подчиненную роль" (с. 165). Вообще нужна новая тактика: "Мы должны говорить в более примирительном тоне, а действовать более решительно" (с. 147).

Прежде всего, это касается отношений с союзниками по НАТО. Не стоило их чрезмерно обострять, как это произошло из-за вторжения в Ирак. Но в то же время на европейских партнеров надо оказывать давление, чтобы вместе с Японией, Южной Кореей, Австралией, Новой Зеландией и Сингапуром создать "единый союз демократий с целью противостояния России и сдерживания Китая" (с. 154). Это весьма напоминает маккейновскую идею "Лиги демократий". Особое внимание Фрам уделяет отношениям США с Индией, которая рассматривается как противовес Китаю.

Более гибкая политика рекомендуется по крайне болезненному вопросу об абортх. Первостепенное место отводится проблемам экологии.

Настало время вспомнить о великих предшественниках: "От Линкольна до Черчилля и Рейгана величайшие консерваторы признавали, что иногда единственным средством для сохранения является изменение" (с. 29). Чтобы ответить на вызовы XXI в. от консерваторов требуется творческая энергия и интеллектуальный прорыв. Но, как вынужден был признать Фрам, среди консерваторов нового поколения немало активистов и организаторов, хотя интеллектуальный ресурс в значительной мере растрочен (с. 147).

Уже после проигранных консерваторами выборов будущее, во всяком случае ближайшее, представляется Фраму в мрачных тонах, так как республиканская партия находится "в состоянии интеллектуального упадка: она не смогла обратиться к избирателям с убедительным посылом в 2008 г., и нет признаков того, что она сделает это в скором времени"¹.

Предмет анализа в книге Готтфрида – эволюция американского консервативного движения с 1950-х годов до современности. Ее вектор для автора совершенно очевиден: справа налево, а еще точнее – к левому центру. Такой же вектор прочеркивает и Фрам, однако, на его взгляд, дрейф влево начался после рейганов-

¹ National Post, 15.XI.2008.

ской эпохи, тогда как у Готтфрида исходным рубежом является поражение Б. Голдуотера на президентских выборах 1964 г. Консервативные республиканцы, с горечью отмечает Готтфрид, отступились от Голдуотера, которого либералы и левые изображали экстремистом или даже фашистом. С тех пор консерваторы маршировали влево, причем "скрывали это движение от публики и, возможно, от самих себя, представляя дело таким образом, будто бы Р. Рейган и Дж.У. Буш реализовывали все, чего они ожидали с 1950-х годов" (с. 147–148). Между тем, утверждает Готтфрид, "рейгановская революция", которую прославляли в своих книгах консерваторы, на самом деле была не реальной, а "воображаемой трансформацией американского общества" (с. XI). Следовательно, по Готтфриду, почти вся послевоенная история американского консерватизма – это марш в неверном направлении.

Вообще Готтфрид полагает, что рассматриваемое им движение не имеет глубоких корней и является "искусственным" (с. VII). Подобную позицию во многом можно объяснить тем, что в формировании идейных и ценностных основ послевоенного консерватизма важную роль играли взгляды видного представителя традиционалистского течения Р. Керка. Прежде всего, ему послевоенные консерваторы были обязаны родословной, связывавшей их с отцом-основателем англо-саксонского консерватизма Э. Берком. Такое генеалогическое древо вызывает у Готтфрида естественное отторжение. Ведь наследие "старого вига" (так называл себя Берк) ассоциируется с умеренным либеральным консерватизмом.

Подход Керка был воспринят У. Бакли, ключевой фигурой американского традиционалистского консерватизма. Первоначально Бакли поддерживал Голдуотера, но к 1980-м годам он и его журнал "Нэшнл ревю", по словам Готтфрида, "двинулись в направлении преимущественно еврейско-сионистского неоконсервативного лагеря" (с. 120), по дороге "выбрасывая из автобуса" тех, кто был не угоден. Прежде всего, убежденных правых, которые в свое время были противниками рузвельтовского "нового курса", изоляционистами и сторонниками Голдуотера. Бакли и К° не стали альтернативой неоконсерваторам, злейшим врагам Готтфрида.

Видимо, причины вражды кроются не только в идейных и политических противоречиях. На протяжении всей книги явно просвечивает зависть автора к более удачливым конкурен-

там, сумевшим найти многоплановую поддержку различных фондов и институтов, войти в республиканский истеблишмент. Серьезным раздражителем для Готтфрида служит и тот факт, что среди неоконсерваторов довольно велик удельный вес интеллектуалов еврейского происхождения.

Готтфрид гиперболизирует и демонизирует роль неоконсерваторов в консервативном движении и общественно-политической жизни США. Они, по его словам, в 1980-х годах "так же легко захватили консервативное движение, как и гитлеровские войска в 1938 г. Австрию" (с. 144). Неоконсервативное пленение консерватизма сопровождалось симбиозом ценностей консерватизма и республиканской партии.

Влияние неоконсерваторов Готтфрид усматривает и в том, что консервативные лидеры "маргинализировали свое правое крыло" (с. XI). Отношение неоконсерваторов к правым Готтфрид сравнивает с отношением большевиков к царской России. Он также приводит высказывание одного из неоконсервативных публицистов, назвавшего лидера правых П. Бьюкенена "ядовитым отростком консерватизма" (с. 65).

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что у Готтфрида крайне правые иногда предстают в качестве элемента консервативного лагеря, а порой противопоставляются ему: "Правая не сосуществует с консерватизмом и, возможно, никогда не может сосуществовать с ним" (с. 89). В этом можно предположить желание отмежеваться от переживающего кризис консерватизма.

Что Готтфрид подразумевает под "правой", становится яснее благодаря проведенному им сопоставлению американских правых с их европейскими собратьями. Готтфрид подчеркивает, что в разных регионах Европы "завоевывают почву" правые популисты, выступающие против иммигрантов из стран третьего мира. В США, по мнению автора, «эта популистская правая проявляет себя слабее частично из-за того, что занимает место в корзине с маркировкой "консерватизм", а тот решительно против любой альтернативы курсу, который отмечен "молчаливым сообщничеством" с левым центром» (с. 145). На такого рода правой усилиями левых интеллектуалов поставлено клеймо правого радикализма. Это во многом предопределило провал Голдуотера. Но именно в такой правой Готтфрид и усматривает альтернативу современному консерватизму в его

традиционалистской и неоконсервативной ипостасях.

Еще более четкие очертания подобный подход обрел в статье Готтфрида, опубликованной вскоре после выборов 2008 г. В ней он отреагировал на книгу Д. Фрама и произведения близких тому по духу консервативных аналитиков. По сути дела, они – "сторонники тенденции, которая принадлежит прошлому"². Сам же Готтфрид улавливает некие признаки того, что "правые могут вернуться на путь, оставленный ими в 1964 г."³. Обвиняя консервативное движение в том, что оно держится за прошедшее время, Готтфрид фактически предлагает взамен предпрошедшее.

Рецензируемые книги свидетельствуют о глубоком идейно-политическом кризисе американского консерватизма, усугубленном грандиозными экономическими потрясениями, которые общественное мнение также в значительной мере заносит на его счет. Не случайно Б. Обаме для победы не потребовались какие-то оригинальные масштабные идеи. В

² Gottfrid P. The Right Lesson. – The American Conservative, 2008, November 17, № 22, p. 16.

³ Ibid., p. 34.

Белый дом его вознесло главным образом массовое недовольство политической консервативной администрацией Дж. Буша.

Обе книги столь отличных друг от друга авторов интересны и тем, что они отражают консенсусный в целом характер социально-экономической политики США. В этом смысле ни консерваторы, ни либералы, иными словами, ни республиканцы, ни демократы не так уж сильно отличаются друг от друга. Ни тем, ни другим не удается найти эффективные ответы на вызовы XXI в. Поэтому консерваторам пока остается уповать не столько на собственные "прозрения", на взлет стратегической мысли, сколько на возможные неудачи пришедших к власти конкурентов и их президента, породившего невиданную эйфорию и необычайно большие ожидания.

П. Ю. Рахимир,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой новой
и новейшей истории
Пермского государственного университета;
В.Р. Золотых,
кандидат исторических наук,
доцент Удмуртского государственного
университета

E. Lord. THE STUARTS' SECRET ARMY. ENGLISH JACOBITES, 1689–1752. Harlow: Pearson, Longman, 2004, 286 p.

И. Л о р д. ТАЙНАЯ АРМИЯ СТЮАРТОВ. АНГЛИЙСКИЕ ЯКОБИТЫ, 1689–1752. Харлоу, 2004, 286 с.

Движение якобитов – сторонников Якова II – является одной из ярких страниц британской истории конца XVII – первой половины XVIII в. На эту тему написано множество исследований как учеными Великобритании, так и их коллегами во Франции, США, Ирландии и других странах. Тем не менее отдельные аспекты проблемы все еще остаются неизученными. В частности, историки традиционно связывали становление и развитие якобитского движения с Шотландией, и общим местом в подавляющем большинстве научных работ был тезис о том, что в Англии якобитизм не получил значительного развития.

В своей фундаментальной монографии профессор Кембриджского университета И. Лорд опровергает данное утверждение, открыв читателю мир английских якобитов и предложив

собственную концепцию истории движения, которая во многих аспектах меняет прежнее представление о политическом развитии Англии в период между Славной революцией 1688–1689 гг. и последним визитом принца Чарльза Стюарта – "Младшего Претендента" – на Британские острова в 1752 г.

Новая трактовка истории якобитского движения, предлагаемая автором книги, связана в первую очередь с ее подходом к источникам. И. Лорд доказывает, что прежнее представление о якобитизме как явлении общественно-политической жизни Британии нового времени во многом базировалось на документах, содержащих изначально искаженную информацию. В частности, она подвергает сомнению достоверность таких источников, как отчеты якобитских агентов, личные документы Стю-

артов, корреспонденция министерства иностранных дел Франции, мемуары отдельных участников движения (с. 71, 163, 187, 206). Кроме того, И. Лорд полагает, что значительная часть якобитских песен и баллад является поздними фальсификациями, многие из которых принадлежат перу В. Скотта (с. 145).

Автор книги вводит в научный оборот большое количество новых источников, прежде всего архивных, а также широкий круг опубликованных документов, ранее недостаточно изученных или вовсе оставшихся вне поля зрения исследователей. Упомянутые источники, по мнению И. Лорд, содержат более точные и достоверные сведения. Основное внимание в монографии уделено следственным материалам, тайной переписке якобитов, дипломатической корреспонденции шведского посла в Лондоне графа Гилленберга, якобитской и проякобитской прессе, а также мемуарам Дж. Даныела, Дж.Дж. Джонстона, Н. Латтрелла и Дж. Мэррея (с. 13–14, 19–24, 148–149, 232–234). Кроме того, автор впервые использует изобразительные источники (с. 150–153).

Свое исследование И. Лорд начинает с вопроса о "церкви неприсягнувших" (Non-juror Church) и аргументировано доказывает, что эта конфессия была одной из ключевых фракций в составе якобитского движения в Англии, что "неприсягнувшие" приняли активное участие во всех заговорах, связанных с попытками реставрации Якова II Стюарта (с. 11–18).

Вплоть до восшествия на престол Георга I, считает И. Лорд, якобиты представляли для британского правительства гораздо более серьезную угрозу, чем традиционно полагали историки. Автор доказывает, что "все попытки восстановить на престоле Якова были не спонтанными выступлениями, а тщательно спланированными военными операциями" и только упорная приверженность Стюартов католицизму помешала якобитам добиться успеха в политической борьбе (с. 18, 36). Второй причиной неудачи якобитских заговоров 1689–1714 гг., по мнению И. Лорд, стала деятельность тайной службы британского правительства и двойных агентов, а также множество случаев предательства среди самих конспираторов (с. 19–21, 229). Исследовательница предпринимает попытку реконструировать агентурную сеть якобитов в Англии, по крайней мере ее ключевые звенья. На страницах книги можно найти краткие биографии главных резидентов Сен-Жерменского двора в Англии с 1689 по 1745 г. Сре-

ди них – такие колоритные личности, как принявший христианство португальский еврей Франка и французский аббат Голтге, убеждавший своего единоверца Якова III стать протестантом (с. 13–41, 121–140, 166–230).

Отдельный раздел книги посвящен якобитской эмиграции. Основываясь на источниках, автор предпринимает попытку систематизировать уже известные сведения по данной проблеме: определяет причины политической эмиграции и ее основные этапы, устанавливает страны, куда отправлялись якобиты, опасавшиеся преследований на родине, выявляет лидеров эмигрантов (с. 52–60).

Особое внимание И. Лорд акцентирует на гендерном факторе и выделяет два его главных аспекта применительно к изучению якобитского движения – взаимоотношения в семьях якобитов и роль женщин в политической деятельности сторонников ссыльных Стюартов (с. 60–64).

Одна из глав монографии целиком посвящена восстанию английских якобитов в 1715 г. К сожалению, здесь автор изменяет своему новаторскому подходу и сводит изложение событий к краткому пересказу известных фактов (с. 65–97). Существенным дополнением к этому разделу является очерк о графе Дервентуотере. В нем И. Лорд стремится развенчать легендарный образ одного из главных участников мятежа 1715 г. и восстановить по источникам его реальную биографию. Исследовательница приходит к выводу, что он был втянут в восстание случайно. Позднее якобиты, пытаясь использовать сильное впечатление, произведенное его казнью на английское общество, создали миф о Дервентуотере как о своем вожде и мученике за дело реставрации династии Стюартов. Этот миф впоследствии оказал значительное влияние на британскую историографию XVIII–XX вв. (с. 98–119).

И. Лорд рассматривает историю якобитского движения в контексте ситуации на международной арене в 1716–1735 гг. Она отмечает факт переговоров между Яковом Франциском Эдуардом Стюартом и русским императором Петром II, целью которых было создание русско-шведской коалиции, направленной против Георга I Ганновера. Опираясь на этот альянс, "Старый Претендент" надеялся вернуть себе британский престол (с. 123–124).

Исследовательница детально изучает вопрос о связях якобитов с масонами и приходит к выводу, что подлинная история масонства сокрыта во мраке тайны, поэтому выявить ха-

ракетер отношений между якобитскими клубами, масонскими ложами и шотландским Орденом рыцарей Храма не представляется возможным. И. Лорд доказывает, что большинство предположений современных ученых о членстве якобитов, в частности принца Чарльза, в масонских организациях не имеют под собой серьезных оснований и построены на произвольной трактовке косвенных свидетельств. Масоны, по ее мнению, преследовали свои собственные цели и "могли придерживаться любых политических убеждений". Автор также высказывает предположение, что якобиты могли использовать созданную масонами сеть тайных обществ в целях своей конспиративной деятельности (с. 156–157).

Согласно традиции, сложившейся в британской историографии, И. Лорд уделяет особое внимание восстанию 1745 г. и битве при Каллодне, но предлагает пересмотреть их традиционную оценку. Помимо смещения акцента на "английский аспект" последнего якобитского восстания, исследовательница пытается воссоздать подлинные портреты главных участников событий 1745–1746 гг. В частности, она полагает, что мрачный образ принца Уильяма Августа – "мясника Камберленда" – это миф, созданный якобитами. Герцог Камберленд, по мнению И. Лорд, был способным генералом, заботился о своих солдатах и во время битвы при Каллодне не отдавал приказа не брать якобитов в плен живыми. Документ же, свидетельствующий об этом, является подделкой (с. 223–224).

В то же время в книге создан крайне негативный портрет принца Чарльза. Грубый и малообразованный, сребролюбивый и беспринципный, страдавший страстью к вину и к женщинам, он никогда не сожалел о судьбе своих сторонников, пытавшихся вернуть ему престол в 1745 г. У Чарльза "не было истинной религии, он был католиком с католиками и протестантом с протестантами". Автор считает его одним из виновников трагедии 1745 г. Несмотря на полное отсутствие боевого опыта, принц Чарльз не прислушивался к мнению своих военных советников и до последнего момента пытался претворить в жизнь свои безумные планы (с. 192–194, 228). И. Лорд упоминает также о малоизвестном проекте создания независимого государства в Северной Америке: бостонские роялисты предлагали провозгласить английские колонии суверенным государством и предложить "принцу Чарльзу американскую корону". Исследовательница полагает, что в связи с подобными планами "Молодой

Претендент" лично посещал колонии Великобритании в Западном полушарии (с. 229).

И. Лорд считает, что в 1745 г. у принца Чарльза и его сторонников не было никаких шансов на успех. Главную причину она видит в том, что якобиты не были связаны с новыми экономическими слоями, которые в середине XVIII в. определяли жизнь страны. В эпоху индустриализации и модернизации лозунги реставрации Стюартов были уже неактуальны (с. 186). "Стюарты и их феодальная армия...были анахронизмом в современном им мире. Династические войны остались явлением прошлого", – заключает автор (с. 217).

Важным достоинством рецензируемой монографии является то, что ее автор опубликовала большое количество справочной информации, которая позволяет читателю ориентироваться в рассматриваемой проблеме. В книге приводятся списки малоизвестных деятелей якобитского движения (с приложением кратких биографических сведений); якобитов, принадлежавших к эмигрантскому двору во Франции с 1703 по 1730 г.; англичан, пострадавших за участие в восстаниях 1715 и 1745 гг.; дворян-якобитов по графствам; краткий географический справочник местностей, связанных с деятельностью английских якобитов (с. 244–265). Кроме того, в монографии содержится наиболее подробная библиография по истории становления и развития якобитизма в Англии (с. 266–282).

Итак, И. Лорд убедительно доказывает, что в Англии движение якобитов приняло столь же широкий размах, как и в соседней Шотландии, и отличалось лишь формами действий. Если жители северной Британии выражали свою приверженность низложенному в ходе Славной революции Якову II и его потомкам посредством открытых вооруженных выступлений, то в Англии в силу ряда особенностей социально-экономического, политического и культурного развития деятельность якобитов носила конспиративный характер. Однако это было организационно оформленное движение, оно имело свои печатные органы, создало собственный стиль в искусстве.

Книга И. Лорд открывает новый рубеж в изучении якобитского движения и английской истории нового времени в целом.

К.Н. Станков,
аспирант кафедры международных отношений,
регионоведения и политологии
Волгоградского государственного университета